

ЧАРЛЬЗ КИНГСЛИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ И ЗАПАДНОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Судьба английского писателя XIX века Чарльза Кингсли в отечественном и западном литературоведении являет собой пример разного отношения к творчеству писателя, не вписывающегося в привычные рамки. Противоречивость и многогранность натуры Кингсли поддерживала и поддерживает постоянный интерес к его личности не только в Англии, но и в тех странах, на языки которых были переведены его произведения.

Известный английский писатель, англиканский священник, моралист, профессор истории стал в Англии символом христианского социализма середины XIX столетия. Его феномен удивлял и современников и потомков. Ревностный христианин, духовник королевской семьи, образцовый викторианский джентльмен и, одновременно, один их лидеров христианских социалистов – все это стало как причиной пристального внимания к нему западных исследователей, так и причиной практически полного отсутствия интереса к Кингсли со стороны отечественных литературоведов. И, если Кингсли – христианский социалист все же становился предметом исследования, то Кингсли – писатель не был вовлечен в контекст литературоведческих студий.

Несмотря на то, что Кингсли был христианским социалистом всего несколько лет – с 1849 по 1852 годы, его увлечение идеями христианского социализма стало причиной того, что до сих пор его деятельность (в том числе и художественное творчество) рассматривается в рамках этого направления общественной мысли первой половины XIX века. В этом есть свой резон, ведь “прекращение активного участия в движении вовсе не означает отказ от основных принципов. Его социально ориентированные романы, проповеди, статьи, лекции и речи подтверждают, что он “оставался верен убеждениям, которые приобрел в молодости” [6, 234-235].

Всесторонняя изученность христианского социализма западными исследователями во многом определила популярность Ч. Кингсли за рубежом. В то же время немногочисленность работ о христианском социализме в отечественной историографии стала одной из причин того, что имя Ч. Кингсли многим в нашей стране незнакомо.

В России узнали об английских христианских социалистах благодаря С.Н. Булгакову. В начале XX века он выступил инициатором перевода и издания книги Л. Brentano об английских христианских социалистах, на которых “лежала печать подлинной святости” [1]. Булгаков полагал, что стремления их были “возвышенными и благородными” [2, 228]. Однако православная церковь всегда отвергала идею соединения христианства и социализма, а английских христианских социалистов считала почти революционерами [6, 12]. В советское время тема эта специально не исследовалась, а если и затрагивалась, то достаточно тенденциозно, так как в советский период историки придерживались отрицательной характеристики христианского социализма, данной в 1848 году Марксом и Энгельсом. Во всех этих работах упоминался Ч. Кингсли как один из представителей христианского социализма, однако первое серьезное исследование его деятельности появилось только в 2001 году, когда В.Ю. Новиченко издал монографию, являющуюся первым в отечественной историографии исследованием истоков христианского социализма в Англии, а также жизни и деятельности Ч. Кингсли [6]. Автор монографии предложил исчерпывающую библиографию западных и отечественных работ, посвященных истории английского христианского социализма как движения, “расширительного толкования” христианского социализма, раздвигающего хронологические и географические рамки его истории [21], а также многочисленных работ о Ч. Кингсли, которому исследователи христианского социализма уделили наибольшее внимание. Свой собственный интерес к Кингсли – христианскому социалисту В.Ю. Новиченко объясняет тем, что, несмотря на все писательские, преподавательские и иные таланты и достоинства, Кингсли прославился прежде всего как христианский социалист. Литературной деятельности Кингсли автор монографии в своей книге уделяет полстраницы и ограничивается упоминанием романов “Ипатия” и “Вперед, на Запад!”, заметив, тем не менее, что “писательская известность Кингсли превзошла все ожидания” [6, 195].

Авторы отечественных исследований по английской литературе XIX века, как правило, уделяют Кингсли в лучшем случае несколько строк, фокусируя свое внимание на теме революционной борьбы рабочего класса, звучащей в его “социальных” романах [4, 22, 124]. Тем не менее, в 1985 году выходит статья О.В. Вайнштейн об историческом романе Кингсли “Ипатия”, в которой исследовательница пишет о расхождении в оценке романа официальной критикой и общественным мнением и о сложившейся вопреки критическим отзывам репутации книги [3].

Показательна точка зрения М.В. Урнова: “Диккенс и его блестящее окружение – Теккереи, сестры Бронте, Джордж Элиот – вот круг имен и уровень, по которому принято судить об

английском романе той поры. Можно, однако, тот круг расширить, спуститься ниже высшего уровня, спуститься значительно и обнаружить достойных внимания: романы Дизраэли, Ч. Кингсли, Уилки Коллинза, того же Бульвера” [8, 39]. Этому же мнению придерживается Ищенко Н.А., которая в монографии “Перо сильнее, чем клинок...”, посвященном английской литературе о Крымской войне 1853-1856 годов, обращается к анализу двух романов Кингсли: “Вперед на Запад!” (Westward Ho! or the Voyages and Adventures of Sir Amyas Leigh, Knight of Burrough, in the County of Devon, in the reign of Her Most Glorious Majesty Queen Elizabeth) и “Два года назад” (Two Years Ago). Эти романы стали откликами писателя на события идущей в то время Крымской войны, в которой Великобритания в союзе с Францией, Турцией и Сардинией воевала с Россией. Автор монографии рассматривает разные точки зрения английских критиков по поводу места этих романов в английской литературе вообще и в творчестве Кингсли в частности и приходит к выводу о необходимости вовлечения творчества так называемых второстепенных писателей в литературоведческий анализ при рассмотрении той или иной проблемы. Именно “второстепенные” писатели “<...> зачастую более показательны с контактно-генетической точки зрения, чем первостепенные <...>. Оба типа творческих личностей взаимообусловлены и дополняют друг друга. Комплексное исследование обоих типов служит гарантией того, что картина литературного процесса будет полной. Необходимость уяснения исторического значения разноплановых творческих личностей диктуется законами объективного анализа” [5, 168]. По сути, Ищенко Н.А. впервые вводит в обиход отечественного литературоведения имя писателя “второго ряда” Чарльза Кингсли, последовательно доказывая его роль в формировании в литературе Великобритании мифов Крымской войны.

Что касается зарубежного литературоведения, то книги, посвященные Кингсли – поэту и писателю чрезвычайно пополнили историю его общественной деятельности. Сходясь во мнении, что Кингсли является “одной из наиболее сложных личностей, которые вы когда-либо встречали” [13, 325], “писателем заслуживающей внимания психологической сложности” [22, 206], исследователи, тем не менее, в своих оценках четко подразделяются на три группы. Первые склоняются к мысли, что “Кингсли запомнится более за свое литературное мастерство как исторический романист и автор баллад, чем как священник и реформатор” [9]. Что касается поэтического творчества Кингсли, то, по мнению О. Элтона, “он является одним из немногих поэтов своего времени, который заставляет нас искренне сожалеть о том, что он не написал больше” [16, 315].

Другие считают, что Кингсли как личность “более замечателен, чем его литературные произведения”, и многие читают его романы из-за того “незабываемого впечатления, которое производит его личность”, так как “сама его жизнь – это поэма глубокой лирической силы” [10, 194]. Не смотря на то, что его произведения читают все реже, “его жизнь и идеи всегда будут привлекать интерес” [11, 138]. Э. Хаксли называет Кингсли “архетипичным (archetypal) викторианцем” и утверждает, что его “запомнят более как социального реформатора, рассказчика и чудака, чем как поэта или серьезного романиста” [17, 9]. Эту же точку зрения разделяет и М. Мармо, отмечая, что “Кингсли – человек был более значителен, чем его поэзия и романы. Его поступки и стремления были более возвышенными, чем его литературное мастерство” [19, 114]. Даже признавая, что “среди наших “малых” поэтов Кингсли стоит высоко”, Дж. Сивер уверен, что основной интерес будет всегда привлекать Кингсли – человек, а не Кингсли – поэт [23, 3-4]. “Малым” поэтом называет Кингсли и Л. Уффельман [24, 136].

Представители третьей группы исследователей не отделяют друг от друга общественную, религиозную и литературную деятельность Кингсли. Л. Казамиан, к примеру, утверждает, что он “талантливый писатель, который использует свои романы в качестве пропаганды наиболее насущных целей и идей своего века” [12, 241]. Идеи, которые Кингсли воплощал в своих произведениях, по мнению Н. Вэнса, “становились основой его практической деятельности в качестве пастора, учителя и реформатора, а также сутью его жизни и жизненного опыта” [25, 107]. Он, пишет А. Джуитт, “обогастил английскую литературу оригинальностью и гибкостью своего таланта, оживил и воодушевил общественное мнение своим безупречным поведением и звучными благородными поступками, оставив этот мир лучше, чем он нашел его, пришел к своему признанию известным, почитаемым и любимым, “храбрым странствующим рыцарем Господа”” [18, 202]. И в то же время Б. Колломс уверен, что Кингсли “мог бы занять более достойное место и в истории литературы, и в церкви, и в науке, если бы был более искренним, более честолюбивым и менее впечатлительным” [14].

Таким образом, жанровой доминантой романов Ч. Кингсли является “message-novel” – так называемый роман с тенденцией, навязывающий читателям авторскую точку зрения. Этот жанр был чрезвычайно распространен в английской литературе середины XIX века, о чем писал И. Тэн: “Почти никогда книга не описывает человека без посторонней цели критики; философы, историки, романисты, даже поэты преподают урок, защищают тезис, разоблачают или карают порок, описывают преодоленное искушение, рассказывают историю создающегося характера. Их точное

и скрупулезное описание чувств всегда приводит к одобрению или порицанию. Они не художники, но моралисты” [7, 164]. Такая подспудная злободневность читалась во всех произведениях Кингсли: от памфлета на Р.У. Эмерсона “Фаэтон” до детской сказки “Водяные малыши”, где пародировалась этика утилитаризма Д.С. Милля и И. Бентама. Что же касается исторических романов Кингсли, то вопрос об их современном звучании зачастую заводил в тупик викторианскую критику.

В. Даусон отводит Кингсли первое место в ряду “второстепенных” романистов и объясняет такое нелестное для писателя место его многогранностью и непостоянством: ведь Кингсли “оказал большее влияние на свой век, чем Рид или Блэкмур, влияние неуловимое и своеобразное, основанное частично на его индивидуальности, частично на природе его миссии” [15, 179]. По силе описания Л. Мелвилл ставит Кингсли – писателя выше всех его современников, делая исключение только для Дизраэли, и даже выше самого В. Скотта, так как “словесные описания Скотта не всегда кажутся естественными по сравнению с описаниями Кингсли” [20, 124].

Такая очевидная амбивалентность в восприятии критиками художественных произведений христианского социалиста Чарльза Кингсли явилась во многом следствием неоднозначности личности самого автора.

Список использованных источников

1. Булгаков С.Н. Предисловие // Брентано Л. Христианско-социальное движение в Англии. – М., 1906.
2. Булгаков С.Н. Христианский социализм. – Новосибирск, 1991.
3. Вайнштейн О.Б. Особенности поэтики романа Ч. Кингсли “Ипатия” в оценке викторианской критики // Вестник МГУ. – Сер. 9. – Филология, 1985. – № 1. – С. 69-71.
4. История зарубежной литературы XIX века. Часть вторая / Под ред. Проф. А.С. Дмитриева. – М.: Изд-во МГУ, 1983.
5. Ищенко Н.А. Перо сильнее, чем клинок... Мифология Крымской войны 1853-1856 годов. – Симферополь: Крымский Архив, 2007.
6. Новиченко В.Ю. Чарльз Кингсли и английский христианский социализм середины XIX века. – М.: РОССПЭН, 2001.
7. Очерки Англии. – СПб. – М., 1869.
8. Урнов М.В. На рубеже веков. Очерки английской литературы конца XIX – начала XX вв. – М., 1970.
9. Adcock A.St.J. The Kingsleys // The Bookman. – January. – 1904. – P. 167-173.
10. Baldwin S.E. Charles Kingsley. – Ithaca: Cornell University Press, 1934.
11. Carnell C.S. Charles Kingsley // Dictionary of Literary Biography. – Vol. 178: British Fantasy and Science-Fiction Writers Before World War I / Ed. by D. Harris-Fain. – Detroit: Gale, 1997. – P.132-138.
12. Cazamian L. The Social Novel in England 1830-1850: Dickens, Disraeli, Mrs. Gaskell, Kingsley. Trans. M. Fido. – London: Routledge and Kegan Paul, 1973.
13. Chadwick O. Charles Kingsley at Cambridge // The Historical Journal. – Vol. XVIII. – No. 2. – 1975. – P.303-325.
14. Colloms B. Charles Kingsley: The Lion of Eversley. – L.: Constable, 1975.
15. Dawson W.J. Charles Kingsley // The Makers of English Fiction. 2nd ed. – New York: Fleming H. Revell, 1905. – P. 179-190.
16. Elton J. A Survey of English Literature 1830-1880. Vol. II.– L.: Edward Arnold, 1920. – P. 309-316.
17. Huxley E. The Kingsleys: A Biographical Anthology. – Allen & Unwin, 1973.
18. Jewitt A.R. Charles Kingsley: An Appreciation // Dalhousie Review. – Vol. 4. – July. – 1924. – P. 193-202.
19. Marmo M. The Social Novel of Charles Kingsley. – Salerno: Di Giacomo, 1937.
20. Melville L. Charles Kingsley // Victorian Novelists. – L.: Archibald Constable, 1906. – P. 106-124.
21. Phillips P.T. A Kingdom on Earth: Anglo-American Social Christianity, 1880-1940. – Pennsylvania, 1996; Wilkinson A. Christian Socialism: Scott Holland to Tony Blair. The 1998 Scott Holland Lectures. – L., 1998.
22. Scott P. Charles Kingsley // Dictionary of Literary Biography. – Vol. 21: Victorian Novelists Before 1885 / Ed. by Ira B. Nadel and William E. Fredeman. – Detroit: Gale, 1983. – P. 195-207.
23. Seaver G. Charles Kingsley: Poet. – Folcroft Library Editions, 1973.
24. Uffelman L.K. Charles Kingsley. – Boston: Twayne, 1979.
25. Vance N. The Sinews of the Spirit: The Ideal of Christian Manliness in Victorian Literature and Religious Thought. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

Анотація. У статті аналізується трактування сучасними британськими й вітчизняними літературознавцями творчості англійського вікторіанського письменника XIX століття Ч. Кінгслі. Неоднозначність особистості письменника, його активна громадянська позиція, злободенність його художніх творів є причиною найрізноманітнішого спектра думок критиків із приводу місця Ч. Кінгслі в літературі.

Ключові слова: Чарльз Кінгслі, християнський соціалізм, вікторіанство, роман з тенденцією.

Summary. The author of the article analyses the British and domestic literary critics' interpretations of the creative works of Charles Kingsley, English Victorian writer of the XIXth century. Kingsley's ambiguity, his active social position and the topicality of his novels became the reasons of the variety of critics' opinions as to his place in literature.

Key words: Charles Kingsley, Christian socialism, victorianism, message-novel.

УДК 811.111'38

Шонь О.Б.

СПЕЦИФІКА ФУНКЦІОНУВАННЯ АЛЮЗІЙ ЯК ЗАСОБУ РЕАЛІЗАЦІЇ ІРОНІЇ В АМЕРИКАНСЬКІЙ МАЛІЙ ПРОЗІ

Сучасні тенденції розвитку текстолінгвістики, що орієнтують на розуміння і тлумачення тексту як дискурсу, по-новому ставлять вимоги до глибокого системного вивчення лінгвістичних засобів творення тексту і дискурсу в контексті відповідних екстралінгвістичних категорій і понять. Відповідно зростає інтерес до вивчення поєднання засобів мовного рівня із категоріями контекстного плану – горизонтального, а особливо вертикального контексту, та роль такого поєднання у реалізації авторської прагматики.

Одним із мовностилістичних засобів, функціонування якого тісно пов'язане з вертикальним контекстом, є алюзія. У стилістиці алюзія визначається як посилення на епізоди, імена, назви і т.д. міфологічного характеру, а також алюзивні цитати [3, 48]. В американських коротких оповіданнях алюзії є хоч і непродуктивним, проте досить ефективним мовностилістичним засобом актуалізації іронії. Стилістичний потенціал алюзії та можливість її використання як засобу реалізації категорій комічного відзначають у своїх працях І. Гальперін, Походня, І. Гюббенет. Зокрема, І. Гюббенет підкреслює, що алюзія як лінгвістичний прийом є неоднорідною. З одного боку, створюючи вертикальний контекст, вона збагачує художній твір, надає йому ніби четвертого виміру. З іншого боку, вона може використовуватися в “зниженому вигляді”, зсуваючись у сферу комічного [3, 9]. Досліджуючи алюзії як засіб реалізації іронії, Походня висловлює думку про те, що таке використання алюзій ґрунтується на загальній для творів мистецтва тенденції до формалізації змістових елементів, тобто тенденції до їх застигання, перетворення в штампи, переходу зі сфери змісту в сферу коду. Для іронії ж продуктивне своєрідне “перекодування коду”, тобто здатність одних текстів передавати свої ознаки іншим, створюючи тим самим нові смисли. Те, що належить одній структурі (біблійному, міфологічному, історичному, літературному тексту іншої епохи) шляхом переносу в іншу структуру, в інший контекст (іншої епохи, іншого стилю) протиставляється цій новій структурі і таким чином набуває нових смислів [5, 100]. На семантичну особливість алюзій, яка є передумовою їх здатності актуалізувати іронію, звернув увагу І. Гальперін, зазначаючи, що значення слова (алюзія) повинне розглядатися як форма для нового значення. Первинне значення слова чи фрази, котре вже відоме (алюзія) “слугує посудиною, в котру вливається нове значення” [2, 187].

Отже, в алюзії під впливом контексту спостерігається взаємодія двох значень, що і є основою для актуалізації іронії, а саме асоціативної іронії – тонкого, прихованого типу іронії, де нові значення одиниць, в яких реалізується іронічний смисл, виникають градуально, внаслідок їх взаємодії з різними типами контексту – від мікро- і макроконтраксту до мегаконтраксту. Особливістю цього механізму реалізації іронії є те, що вертикальний контекст, в основі якого лежать фонові знання реципієнта, набуває значної ваги [5, 84]. Залучення вертикального контексту важливе як для актуалізації іронії, так і для її декодування. Вертикальний контекст має два підвиди – соціально-історичний вертикальний контекст і філологічний вертикальний контекст. Соціально-історичний вертикальний контекст визначається як частина історико-